

П.С. Гуревич

ОТ ГЕГЕЛЯ – К МАРКСУ, ОТ МАРКСА – К БОДРИЙЯРУ

Аннотация. Предмет исследования – трансформация представлений о труде от Г.В.Ф Гегеля до Ж. Бодрийяра. В статье показано, что марксистская трактовка труда опиралась на анализ этого феномена у Гегеля. Речь шла о том, что человек обретает собственную сущность благодаря труду, который выражает освобождение от природы и возврат к ней в результате обретения человеком своей сущности. Согласно Марксу, главная характеристика людей – их способность к воплощению (опредмечиванию) и реализации самих себя в продукте их труда; только посредством этого акта опредмечивания индивидуумы оказываются способны уверенно осознать свои собственные силы и тем самым обрести самосознание. Таким образом, возможность свободно и добровольно испытывать свой собственный труд как процесс самореализации образует решающую предпосылку для хорошей жизни. Но эта предпосылка разрушается установлением капиталистического способа производства, так как наёмный труд лишает субъектов возможности контролировать свою деятельность. Капитализм, таким образом, представляет социальную форму жизни, которая противопоставляет человека его сущности, тем самым лишая его надежды на хорошую жизнь.

Автор опирается на историко-философскую традицию, в рамках которой осмысливается феномен труда. Он обращается также к философской антропологии Э. Кассирера.

Новизна состоит в том, что классическая трактовка труда у Гегеля и Маркса сопоставляется в статье с современными постмодернистскими взглядами на преобразование всей социальной действительности. Эти воззрения помогают взглянуть на нашу реальность с принципиально иной стороны. В частности, по мнению Бодрийяра, труд остаётся человеческой потребностью, но совершенно в ином смысле. Он оказывается эквивалентным досугу. По сути дела он превращается в обманку, в симулякр.

Ключевые слова: труд, человек, отчуждение, симулякр, потребность, социальность, опредмечивание, творчество, символ, производство.

Abstract. The subject of this research is the transformation of perceptions about labor from Hegel to Baudrillard. The article illustrates that Marxist interpretation of labor was based on the Hegel's analysis of this phenomenon – that a man finds his essence in labor, which expresses release from nature and return to it. According to Marx, the main characteristic of people is their ability to embodiment (objectification) and realization of themselves in the product of their work; only by the virtue of this act of objectification, individuals find themselves capable of grasping their efforts and acquire self-consciousness. Thus, the ability to voluntarily experience your own labor as a process of self-realization, forms a decisive prerequisite for good life. But this prerequisite is being destroyed by the establishment of capitalistic way of production, because wage labor deprives persons of the ability to control their work. Capitalism in such way presents a social form of life that opposes a man to its essence, by depriving him of the hope for a good life. Scientific novelty consists in the fact that the classical interpretation of the works of Hegel and Marx is being compared to the modern and post-modern views upon transformation of the entire social reality. Such outlooks allow looking at our reality from a complete different angle. Particularly, according to the opinion of Baudrillard, labor remains a human need, but in a different sense; it becomes equivalent to leisure.

Key words: Labor, Human, Estrangement, Simulacrum, Need, Sociality, Objectification, Creative work, Symbol, Production.

Мысли Гегеля о роли труда в человеческой самореализации, отражённые в «Феноменологии духа» [1, с. 103-106], произвели огромное впечатление на К. Маркса. Гегелевские идеи о месте труда в жизни человека оказались основой дальнейшей разработки этой проблемы. Разумеется, Маркс ис-

пользовал также положения, которые сложились в классической экономической теории. Однако в ней труд рассматривался как обременительная и неприятная деятельность. Только благодаря ей, люди могут получать средства для существования. Другого способа для продолжения жизни нет.

Но Гегель отказался от толкования труда лишь

как своеобразной инструментальной активности, нужной для каждодневных забот. Он попытался раскрыть также смысл духовной деятельности, которая, собственно, и отличает человека от других животных. Те находятся в прямой зависимости от природы и пользуются тем, что поставляет им природная среда. Труд же людей обозначает разрыв конкретных связей с природой. В человеческом обществе плоды труда не подлежат немедленному потреблению. Они зачастую используются в преобразованном виде. Таким образом, у людей складывается опосредованное отношение к природе.

Этой констатацией проблема, однако, не завершается. Главное, что через труд преодолевается отчуждение. С его помощью человек воплощает («опредмечивает», «объективирует») самого себя. На всё ложится печать человека, который преобразует окружающий мир. Такое опредмечивание означает развитие человеческих сил и возможностей. Человеческая природа не может означать некую неизменную универсалию. Она преобразуется, и это относится как к отдельному индивиду, так и к историческому процессу. Разумеется, разрыв с природой – болезненный процесс. Но возникшее отчуждение от природы можно устранить. Труд как раз и выполняет эту миссию. Когда отчуждение достигает своего предела, развитие переходит на новую ступень. Теперь единство с природой вбирает в себя и тождество, и различие. Труд позволяет избежать отчуждения.

Этот процесс, считал Гегель, особенно заметен в духовной сфере. Разве человек не проходит в своём развитии некие стадии – от младенческой природной чистоты к социальной и исторической жизни? Не выражает ли этот процесс в конечном счёте обретение самого себя? Гегель полагал, что больше всего это заметно в историческом процессе. Ведь первоначальные сообщества не несли в себе разнообразия. Это относится к родоплеменным группам и даже к ранней стадии античного общества. Но в процессе развития обнаруживаются существенные различия. Всё полнее раскрывает себя своеобразие. Гегель полагал, что эти индивидуальные непохожести нашли своё завершение в современной либеральной форме общественной организации. Здесь различия включены в единый социальный порядок. Гегель пишет: «...человек не должен останавливаться на раздвоении, в котором мы находим всё человеческое. Но неправильно, что непосредственное, естественное единство есть подлинный путь. <...> Детская невинность имеет в себе, несомненно, нечто привлекательное и трогательное, но она такова, лишь поскольку она напоминает о том, что должно быть порождено самим духом. То

единство, которое мы наблюдаем в детях как нечто естественное, должно быть *результатом труда и культуры духа*» [2, с. 129].

Трактовка человека труда стала для Маркса одним из главных сюжетов его социальной философии. Это социальное явление и оказывается нужным посредником в процессе самореализации человека. Только в труде человек может совершенствовать своё тело и свой дух. Однако нельзя не обратить внимания на тяжёлые условия труда, его рутинность, изнуряющее однообразие. Вместе с тем, именно в труде реализуются ум и мастерство человека. Стало быть, нужно в процессе развития общества освободить труд от нетворческого, шаблонного состояния. Поэтому, согласно Марксу, следует обратиться к высшим способностям человека. Так, в концепции немецкого философа соединяется труд и творчество.

В какие виды труда вовлекается человек? У истоков истории это охота, рыболовство и собирательство. Но постепенно люди обретают разнообразие промышленного труда и вступают в сферу научного, духовного творчества. Что движет человеком, когда он приступает к работе? Разумеется, прежде всего, забота о поддержании собственной жизни и жизни семьи. Однако со временем трудовая операция оказывается разнообразной. В труде обнаруживаются такие фундаментальные для человека мотивы, как реализация креативности, обретения социального статуса, реализации силы, смелости, мастерства и интеллекта.

Однако Маркс не ограничивается этими констатациями. Он размышляет о том, каково отношение между человеком и трудом. Иначе говоря, как связан человеческий труд с ближайшим социальным окружением. Оказывается, объект труда принимает нередко форму и размеры отчуждённых вещей. При благоприятных условиях труд позволяет человеку реализовать контакты с множеством других людей. Но зачастую труд поработает человека, ограничивает его свободу, утесняет его креативность. «Таким образом, в силу этого обретения себя вновь (благодаря себе самому), оно становится собственным смыслом именно в труде, в котором, казалось, заключается только чужой смысл» [1, с. 106]. Когда труд становится творческим? Очевидно, в тот момент, когда человек получает возможность вкладывать в трудовой процесс нечто личное, субъективное. Тогда мотивы возникают из внутренних ресурсов.

Если подойти с более скромными требованиями к слову «творчество», то суждение «все люди от природы стремятся к творчеству» можно поставить в один ряд с аристотелевским утверждением

«все люди от природы стремятся к знанию», причём с большей надеждой на принятие этого тезиса. Более того, аристотелевский последующий текст можно также видоизменить, сохранив более или менее его структуру: «Доказательство тому – удовольствие, которое человек получает, формируя объект своими руками, глазами, другими органами чувств и умом, добавляя что-то к природным свойствам, привнося дополнительную красоту, оставляя свой индивидуальный отпечаток на материале – в дар человечеству» [3].

Человек стремится выразить свои чувства и идеи, которые иногда являются продуктом вдохновения, и он ищет средства и материал для придания ему формы. Материал обычно не так легко и быстро принимает форму. Материал нужно обрабатывать. Руки, орудия и инструменты участвуют наравне с глазами, ушами и умом в создании произведений искусства; вместе с материалом они составляют части полного цикла, и весь процесс обретает динамическое единство. Труд создаёт не только вещи и предметы. Он одухотворяется творением символов. Произведения искусства могут быть символами или могут рассматриваться как символы (иногда неосознанные) культуры. Но во время создания они являются выражением живого человеческого общества, выражением игры, наслаждения, надежд и мечтаний, а также страхов, мифов и легенд. Э. Кассирер писал, что человеческая культура, взятая в целом, может быть описана как процесс прогрессирующего самоосвобождения человека. Язык, искусство, религия, наука являются различными фазами этого процесса [4].

Кассирер показал, что основная характеристика человека, его отличительная особенность – не его метафизическая природа, а его труд. Именно труд, система человеческой деятельности, определяет и очерчивает круг «человеческого».

Однако в современном мире с феноменом труда произошла неожиданная инверсия. В двух словах, это преобразование можно выразить словами Ж. Бодрийяра: «Искра производства, неистовство его устремлений исчезло» [5, с. 40]. Но разве возможно такое? Ведь по сравнению с прежними эпохами все виды производства выросли в объёмах. Труд приобрёл гигантские размеры. Он стал более разветвлённым, специализированным, разнообразным. Труд по-прежнему является потребностью для человека, как об этом писал К. Маркс. Но

сама эта потребность преобразилась. По мнению Ж. Бодрийяра, в нашу эпоху всё превращается в свою противоположность.

Разумеется, и сегодня труд востребован. Исчезни труд, обрушится цивилизация. Но труд теперь как объект общественного спроса парадоксально сближен с досугом. Труд эквивалентен досугу в общем распорядке повседневности. Разве это так? Ведь труд всегда противопоставлялся досугу, свободному времени, которое позволяет человеку отвлечься от трудового процесса и предаться отдыху или собственному развитию. Однако уже французские персоналисты отметили, что время досуга для людей труда тоже подчиняется той же рассудочности, принципу полезности, эффективности, целесообразности. Сегодня труд утратил цель. «Тот же неожиданный поворот, что и в случае с властью: *сценарий* труда существует для того, чтобы скрыть, что реальный труд, реальное производство исчезли. Так же, как и реальная забастовка, которая больше не является остановкой работы, но её альтернативным полюсом в ритуальном скандировании социальных отчётов. Всё происходит так, как если бы после объявления забастовки каждый “занял” своё рабочее место и возобновил, как это положено в “самоуправляемых” профсоюзах, производство точно на тех же условиях, что и раньше, решительно заявляя, что он находится (и виртуально находясь) в состоянии перманентной забастовки» [5, с. 41].

Бодрийяр настаивает на том, что это не научно-фантастические грёзы. Мы всюду имеем дело с дублированием трудового процесса и с дублированием забастовочного процесса – забастовки включены в трудовой процесс, как моральный износ в оборудование, как кризис в производство. Итак, больше нет ни труда, ни забастовки по отдельности, но есть и то, и другое одновременно, а значит, есть сценария (чтобы не сказать мелодрама) производства, коллективная драматургия на пустой сцене социального.

Речь идёт уже не о трудовой идеологии – традиционной этике, которая затеняла бы «реальный» трудовой процесс и «объективный» процесс эксплуатации, – но о сценарии труда [5, с. 42].

Философские попытки проанализировать трансформации современной социальности, особенно в сфере труда и власти, дают основательную пищу для дальнейших актуальных разработок.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: в 14 т. Т. 4. Феноменология духа. М.: Изд-во социально-политической литературы, 1959. 487 с. С. 103-106.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. 452 с. С. 129.

3. Аристотель. Метафизика. Книга А. I.980a.21.
4. Кассирер Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 3-30.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с. С. 40-42.
6. Арндт Ханна. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
7. Зиммель Г. Философия труда // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии. М., СПб.: Университетская книга, Центр гуманитарных инициатив, 2015. 416 с. С. 210.

References (transliterated):

1. Gegel' G.V.F. Soch.: v 14 t. T. 4. Fenomenologiya dukha. M.: Izd-vo sotsial'no-politicheskoi literatury, 1959. 487 s. S. 103-106.
2. Gegel' G.V.F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: v 3 t. T. 1. Nauka logiki. M.: Mysl', 1975. 452 s. S. 129.
3. Aristotel'. Metafizika. Kniga A. I.980a.21.
4. Kassirer E. Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu chelovecheskoi kul'tury // Problema cheloveka v zapadnoi filosofii: Perevody / Sost. i poslesl. P.S. Gurevicha; Obshch. red. Yu.N. Popova. M.: Progress, 1988. S. 3-30.
5. Bodriiyar Zh. Simulyakry i simulyatsii / Per. s fr. A. Kachalova. M.: Izd. dom «POSTUM», 2015. 240 s. S. 40-42.
6. Arendt Khanna. Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni / Per. s nem. i angl. V.V. Bibikhina. SPb.: Aleteiya, 2000. 437 s.
7. Zimmel' G. Filosofiya truda // Zimmel' G. Izbrannoe. Problemy sotsiologii. M., SPb.: Universitetskaya kniga, Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2015. 416 s. S. 210.